

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата юридических наук Куташевской Яны Сергеевны
на тему: «Автономия воли при определении права, применимого к
обязательствам из причинения вреда»
по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Избранная диссертантом тема является **актуальной**. Как справедливо отмечает автор, специфика регулирования обязательств из причинения вреда в международном частном праве состоит в преобладании территориальных подходов. Однако современные реалии требуют изменения подходов в силу распространения дистанционных способов взаимодействия, безличных денежных потоков, одномоментной передачи информации множеству реципиентов (с. 4-5 диссертации¹).

Научные выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, **обоснованы** и обладают **достоверностью и новизной**. В частности, к новым можно отнести большинство из положений, выносимых на защиту.

Автором проанализирована история развития вопроса определения применимого права к деликтным отношениям (в сравнении с обязательственными отношениями). В работе справедливо перечисляются недостатки определения применимого права на основании традиционных территориальных критериев определения применимого права к деликтам (*locus regit actum*) – случайный характер места деяния, риск расщепления применимого права, когда деликт или его последствия имеют место в нескольких странах, отсутствие физического воплощения вреда, например, при наступлении чисто экономических убытков, совершение деликтов в сети Интернет и др. (с. 24-26). Автор выделяет 5 этапов в определении применимого права к деликтам, придя к выводу о едином векторе развития в регулировании деликтных и договорных отношений (с. 31).

---

¹ Далее указание на страницы в скобках означает указание на страницы диссертации.

Для диссертации характерен системный подход. Автор начинает свое изложение с истории развития института автономии воли (§ 1.1. главы I) и посвящает отдельный вопрос изложению основных подходов к автономии воли, базируясь на работах отечественных и иностранных авторов (§ 1.2. главы I). И только затем, после того как соискатель определился с основными категориями своего исследования – деликтом и автономией воли, он переходит к анализу специальных вопросов темы диссертации.

Следует согласиться с выводом диссертанта, что «возможность выбора применимого права позволяет сторонам осуществлять прогнозы о применимом праве... и, как следствие, унифицирует национальные подходы относительно механизмов определения применимого права» (с. 57).

Диссертация написана в ярко выраженном сравнительно-правовом ключе. Автор основывает свое исследование в основном на работах иностранных авторов, главным образом, на английском и немецком языках. Количество привлеченных соискателем иностранных литературных источников превышает 115 работ, что само по себе впечатляет. В работе исследованы акты коллизионного регулирования иностранных государств, прежде всего европейских стран. Особое внимание уделено нормам коллизионного регулирования в рамках ЕС – регламентам Рим I и Рим II. Упомянуты также источники мягкого права, такие как Модельные правила европейского частного права (DCFR), Принципы европейского деликтного права (PETL).

Работа написана грамотным юридическим языком, автор владеет понятийным аппаратом гражданского и международного частного права на хорошем уровне (отдельные замечания к используемой диссертантом терминологии изложены ниже).

Диссертация, безусловно, заслуживает того, чтобы ее автору была присуждена искомая ученая степень кандидата юридических наук.

Работа не лишена недостатков, которые по мнению оппонента, не умаляют ее достоинств, а могут восприниматься исключительно в целях

прояснения позиции автора. Многие изложенные ниже комментарии не являются в строгом смысле слова замечаниями, но скорее, пожеланиями.

1) Автором слишком широко сформулирован объект диссертационного исследования – общественные отношения, складывающиеся при определении применимого права к деликтным отношениям (с. 8). С учетом темы диссертации, объектом исследования должны быть только отношения, связанные с выбором сторонами права к таким отношениям, а не вообще все отношения по определению применимого к деликтам права.

2) Предмет исследования определен как регулирование автономии воли в деликтных обязательствах, включая предпосылки признания возможности выбора права, виды автономии воли и ее границы (с. 8). Традиционно в отечественной науке к предмету исследования принято относить нормы права (национальные и международные), доктрину и судебную практику. Также не вполне корректно говорить о регулировании автономии воли, поскольку сама по себе она не является общественным отношением. Речь в диссертации идет о регулировании отношений, связанных с реализацией сторонами автономии воли в деликтных отношениях. Регулирование, как таковое, не может быть предметом исследования, поскольку это процесс упорядочения общественных отношений с помощью правовых норм.

3) Выводы, выносимые на защиту, характеризуются новизной. Однако, имеются замечания, касающиеся выводов 3 и 4:

Вывод 3: «неспособность договорного статута удовлетворить потребность в деликтном регулировании» - этот вывод достаточно очевиден. Договорное регулирование действительно не предназначено для регулирования деликтных отношений.

Вывод 4: автор считает, что частичный выбор применимого права и кумулятивный выбор права допустимы, если они не приводят к неустранимым противоречиям и дисбалансу. Этот вывод характерен и для договорного права, и в нем не усматривается новизны. В выводе 4 автор также говорит о том, что критерии подразумеваемого выбора и имплицитного выбора должны быть

сокращены; он также рассуждает о несамодостаточности таких критериев, как пророгационное соглашение. Однако, диссертант не приводит эти критерии, а лишь констатирует факт, что не является научной новизной.

4) Автор использует оборот «автономия воли в деликтном статуте» (см. например, с. 6), «выбор права в деликтном статуте» (вывод 1, выносимый на защиту, с. 10), название главы I («Предпосылки признания автономии воли в деликтном статуте») и главы II диссертации («Теоретические проблемы автономии воли в деликтном статуте»). Представляется, что корректнее говорить об автономии воли в «деликтных обязательствах» (см. например, с. 7 и 8), нежели «в деликтном статуте», под которым, согласно юридической традиции, понимается право, применимое к деликтным обязательствам. Такое право (деликтный статут) может быть установлено и путем выбора, т.е. реализации сторонами своей автономии воли. Аналогичным образом к одной из целей работы автор относит обоснование непротиворечивости «внедрения выбора применимого права в деликтный статут» (с. 6). Но ведь деликтный статут – это есть право, применимое к деликтным обязательствам, которое может быть выбрано (определено) сторонами или судом для регулирования установленных вопросов (деликтоспособность, основания и объем возмещения вреда и пр. – ст. 1220 ГК РФ).

То же самое замечание касается оборота «определение применимого права в обязательственном статуте» (см. в частности, § 1.1 главы I), «автономии воли в договорном статуте» (например, с. 55). Договорный статут – это право, подлежащее применению к договору, определенное на основании коллизионных норм или автономии воли.² В самом этом праве автономии воли нет. Представляется, что диссертант использует понятия «статут» и «обязательство» как синонимы, что некорректно (например, с. 55).

Другие замечания терминологического свойства. Автор использует такие обороты, как «определения применимого права в деликтах» (с. 34, 41),

² См. например, пункты 19, 26, 29, 54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 09.07.2019 г. «О применении норм МЧП судами РФ».

«в коллизионной практике деликтного статута» (с. 20), «коллизионные нормы, составляющие деликтный статут» (с. 86), практика «разрешения коллизионного вопроса в деликтном статуте» (с. 214), «выбор применимого права в отечественном коллизионном деликтном статуте» (с. 214). В отечественной, по крайней мере, учебной литературе³ такие обороты не распространены.⁴

5) Формальное замечание: нормативные акты в библиографическом списке рекомендуется расположить упорядоченно, начиная с международных договоров, а национальные акты России не смешивать с иностранными, (последние лучше расположить в алфавитном порядке).

Далее следуют замечания и пожелания частного порядка.

6) Требуется обоснование, почему «нератифицированные договоры» «становятся частью национального права государств, их ратифицировавших» (с. 181). Также нуждается в пояснении, почему автор распространяет на международные договоры правило п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 09.07.2019 «О применении норм МЧП судами РФ» (с. 181-182). Скорее, такие нератифицированные договоры при наличии на них ссылки, становятся не частью национального права, а договорными условиями.

7) Также не ясна позиция о применении в качестве применимого права общеправовых принципов (с. 182). Где в законодательстве – российском или иностранном – закреплена такая возможность?

8) На с. 183-189 автор рассуждает о возможности выбора вненациональных источников права в качестве применимых к деликтным

³ См. например, разделы российских учебников по МЧП, в которых обсуждается п. 3 ст. 1219 ГК РФ: Международное частное право: учебник. Т. 2. Особенная часть / отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. М.: Статут, 2015. С. 461 и след.; Международное частное право: учебник / отв. ред. Н.И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Контракт, 2018. С. 552 и след.

⁴ Это же касается и таких понятий, как «объективный коллизионный статут», «объективные коллизионные нормы» (с. 176-177), которые хотя и встречаются в отдельных статьях и монографиях, но требуют пояснений относительно смысла, который вкладывается автором в их содержание.

обязательствам, и в качестве примера таких источников приводит европейские акты. Не является ли такой подход преждевременным, учитывая, что в судебной практике даже выбор национального права к деликтным отношениям – явление достаточно редкое. В чем состоит преимущество таких актов перед национальным правом, способное стимулировать стороны к реализации автономии воли?

9) Представляется, что работе явно недостает анализа судебной практики, особенно отечественной, подкрепляющей рассуждения автора. Незрелость такой практики в России и отсутствие анализа того, почему эта практика так и не сформировалась, влияет на актуальность исследования. В ряде случаев автор иллюстрирует свои рассуждения гипотетическими примерами (например, случай с мошенничеством и неосновательным обогащением на с. 65, 72-73). В защиту автора надо сказать, что он не скрывает проблему отсутствия практической заинтересованности в автономии воли в деликтах со стороны бизнес-сообщества. В частности, на с. 87 автор, со ссылкой на работу J.Kropholler, утверждает, что «распространённым аргументом против автономии воли за пределами договорного статута является *«отсутствие востребованности соглашений о выборе применимого права в деликтах»*. Вероятно, что этим объясняется отсутствие примеров и из российской практики. Однако, диссертанту следует разъяснить, какие действия необходимо предпринять, чтобы повысить востребованность данного института и приведут ли такие действия к успеху.

На с. 88 автор утверждает, что «практика демонстрирует обращение сторон деликта к выбору применимого права в силу значимых практических преимуществ». Однако, какой-либо практики не приводит, кроме дела на с. 90 из немецкой практики, на с. 113, 115 из английской практики и с. 114 – из американской практики. Вероятно, такую практику следовало поискать в регулировании международных перевозок, в которых транспортные конвенции отдают приоритет договорному регулированию, в том числе праву сторон выбирать применимое право, но охватывают в том числе и деликтные

иски. Автор упоминает международные перевозки в контексте использования стандартизированных форм (с. 144), но не сопровождает рассуждения анализом. Имеется гипотетический пример с перевозкой между Польшей и Францией (то есть в рамках ЕС) на с. 153, строго говоря, к российской практике не относящийся. По нашему мнению, желательно было бы проанализировать транспортные конвенции с участием России, содержащие оговорки об ответственности, в том числе деликтной. В частности, работает ли там выбор права в качестве субсидиарного статута к положениям конвенций? (Учитывая, что, например, пассажир не осуществляет предпринимательскую деятельность).

Проблему конкуренции деликтных и договорных исков, которую автор со ссылкой на иностранных авторов упоминает на с. 167-168, 73-74, можно было бы рассмотреть на основе анализа дела ПАО «Совкомбанк» (Россия) против Citybank N.A. (США) и АО «Ситибанк» (Россия),⁵ дела ПАО «Сбербанк России» против Glencore PLC и др. компаний группы Glencore (Гленкор).⁶ Интересно что российские суды квалифицировали санкционную политику (точнее следование ей) в качестве деликта, а участники группы компаний (иностранной группы), следовавшие такой санкционной политике, были признаны соделиквентами. При этом судами не были приняты во внимание нормы иностранного права, применимые к соответствующим договорам (ст. 1210 ГК РФ), а также институт самостоятельной имущественной ответственности юридических лиц: ответственность участников группы компаний наступает за совместно причиненный деликт и по правилам российского права, как права места причинения вреда (ст.1219 ГК РФ).

---

⁵ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 17.10.2023 по делу № А40-167352/23-3-1320. См. краткий анализ дела в кн.: Канашевский В.А. Международное частное право. Учебник. 5-изд., М., 2024. С. 914-915.

⁶ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.04.2024 г. по делу № А40-153363/23-141-1204

10) Интерес представляет вопрос о выборе применимого права к договору, который регулирует в том числе деликтную ответственность, например, ограничивает или исключает ответственность за причиненный вред (отказ от права) и содержит оговорку о применимом к договору праве. Например, подобная ситуация возникла в известном деле *Vinikoor v. Pedal Pennsylvania Inc*, рассмотренном судом Пенсильвании в 2009 г. Будет ли признано подобное соглашение, содержащее отказ от права (waiver) в России, если его участниками являются лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, и вред не является результатом злонамеренных действий? Можно ли рассматривать договор, содержащий оговорку о применимом праве к будущим деликтам, в качестве того обязательства, к которому тяготеет деликт в контексте п. 3 ст. 1219 ГК РФ? Иными словами, автору предлагается экстраполировать дело *Vinikoor v. Pedal Pennsylvania Inc* на российскую действительность.

Автор придерживается позиции, что «Российский законодатель [...] полагает допустимым лишь последующий выбор права в деликтных обязательствах». Насколько данная позиция коррелирует с возможностью для суда применить право, применимое к договору и почему такая ситуация не может считаться подразумеваемым выбором права в контексте п. 3 ст. 1219 ГК РФ? В диссертации содержатся рассуждения о выборе *ex ante* (с. 116 и послед.), но без привязки к отечественному правопорядку, и носят они абстрактный характер.

11) Соискатель подробно анализирует положения ст. 14 Регламента Рим II (с. 132-149) и фактически предлагает заимствовать предшествующий выбор права (с определенными ограничениями, с. 151). На с. 150 делается вывод, что «Вопреки успешному европейскому опыту, российское законодательство допускает выбор применимого права только после возникновения обязательства из причинения вреда». На с. 132 автор говорит, что, основываясь на европейском опыте (ст. 14 Регламента Рим II), необходимо разрешить выбор права к деликтным обязательствам до их возникновения, что «раскроет

дальнейшие перспективы по установлению оптимального применимого права». Является ли европейский подход успешным? Какова практика применения ст. 14 Регламента Рим II? В чем состоит успешность европейского опыта, ведь в своих рассуждениях диссертант опирается в основном на теоретические работы европейских авторов. Быть может, об успешности свидетельствует европейская судебная практика?

12) На с. 66, 69 автор затрагивает проблему квалификации юридических понятий, на основе гипотетического примера с деликтом (мошенничеством) и неосновательным обогащением, приводит примеры трех вариантов решения проблемы квалификации, но саму эту проблему он не решает. Как же должна быть решена проблема квалификации, коль скоро автор сам ее затрагивает? (Хотя сама эта проблема напрямую и не относится к теме диссертации).

12) Работе также не достает анализа действия сверхимперативных норм и публичного порядка, поскольку реализация автономии воли в деликтных отношениях дает много пространства для злоупотреблений. Нормы непосредственного применения и оговорка о публичном порядке лишь упоминаются (без конкретизации) на с. 86. Хотя отдельный параграф главы III сочинения посвящен анализу ограничений, связанных с недопустимостью ущерба для прав третьих лиц (§ 3.2), сверхимперативные нормы и публичный порядок были исключены диссертантом из анализа, как не обладающие спецификой в деликтных обязательствах (с. 198). Представляется, что таковая специфика есть и этой проблематике стоило уделить внимание. С практической точки зрения это не менее важный вопрос, чем вопросы депежажа, кумулятивного выбора права, последующего изменения выбора права, альтернативных соглашений о выборе права и имплицитного выбора права, которые автор рассматривает в § 3.3 главы III диссертации.

13) На с. 193 соискатель говорит о страховщиках, которые должны быть поставлены в известность о факте выбора права деликвентом и страхователем. Но ведь страховщики, как правило, подчиняют свои договоры страхования своему собственному праву и сами определяют условия страхования.

Хотелось, чтобы автор прояснил свою позицию с учетом практического состояния дел в этой области.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация Куташевской Яны Сергеевны на тему: «Автономия воли при определении права, применимого к обязательствам из причинения вреда» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки, а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Куташевская Яна Сергеевна заслуживает **присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.**

Официальный оппонент:

доктор юридических наук,
заведующий кафедрой международного частного права
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им.
О.Е.Кутафина (МГЮА)»

КАНАШЕВСКИЙ Владимир Александрович

02 сентября 2024 г.

ВЕРНО

Начальник отдела
Управления кадров М

02 09 2024

Контактные данные:

тел.: 7(926)4565660, e-mail: vakanashevskij@msal.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Адрес места работы:

125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кафедра международного частного права

Тел.: 8 (499) 244-88-88 доб. 838; e-mail: Lab.kmchp@msal.ru

Подпись сотрудника

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кафедра международного частного права

В.А.Канашевского удостоверяю:

руководитель/кадровый работник

/ /

дата